

Конституционное право в контексте правовой культуры

Постников Александр Евгеньевич

*заведующий отделом конституционного права, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
Москва, Москва*

Аннотация

Аннотация: Конституционное право и правовая культура являются основополагающими и в то же время взаимообусловленными элементами правовой системы государства. Актуальность исследования развития конституционного права в контексте правовой культуры диктуется не только потребностями развития теории и доктрины конституционного права, но и современной практикой законотворчества и правоприменения, в рамках которой нередко получает распространение утилитарный подход, в соответствии с которым при определении приоритетов правового регулирования, правовой политики государства во главу угла ставятся цели и задачи, недостаточно учитывающие достижения и общий уровень правовой культуры российского общества. Между тем именно правовая культура во многом формирует коммуникации для эффективного взаимодействия государства и гражданина, институтов гражданского общества. Она является исходной средой, в рамках которой зарождаются и развиваются конституционно-правовые идеи. Одновременно правовая культура в значительной мере и определяет то, как реализуются эти идеи, равно как и конкретные нормы конституционного права. Такие тесные взаимосвязи конституционного права и правовой культуры нацеливают на анализ конституционного права в широком смысле как явления, включающего не только нормы и институты конституционного права, но и объективизированную конституционно-правовую культуру. Исследования в этом направлении также позволяют выявить, что нарушение указанных взаимосвязей имеет негативные последствия для развития и функционирования модели правового государства в нашей стране.

Ключевые слова: конституция, правовое государство, конституционное право, конституционные ценности, правовая культура, политическая культура, правовой статус личности, цифровая среда.

Ссылка для цитирования:

Постников А. Е. Конституционное право в контексте правовой культуры // Журнал российского права URL: <http://ras.jes.su/jrp/s160565900030707-1-1> (дата обращения: 19.05.2024).

² доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом конституционного права ИЗиСП

³ **Конституционное право в контексте правовой культуры**

⁴ *Аннотация:*

Конституционное право и правовая культура являются основополагающими и в то же время взаимообусловленными элементами правовой системы государства. Актуальность исследования развития конституционного права в контексте правовой культуры диктуется не только потребностями развития теории и доктрины конституционного права, но и современной практикой законоотворчества и правоприменения, в рамках которой нередко получает распространение утилитарный подход, в соответствии с которым при определении приоритетов правового регулирования, правовой политики государства во главу угла ставятся цели и задачи, недостаточно учитывающие достижения и общий уровень правовой культуры российского общества. Между тем именно правовая культура во многом формирует коммуникации для эффективного взаимодействия государства и гражданина, институтов гражданского общества. Она является исходной средой, в рамках которой зарождаются и развиваются конституционно-правовые идеи. Одновременно правовая культура в значительной мере определяет то, как реализуются эти идеи, равно как и конкретные нормы конституционного права. Такие тесные взаимосвязи конституционного права и правовой культуры нацеливают на анализ конституционного права в широком смысле как явления, включающего не только нормы и институты конституционного права, но и объективизированную конституционно-правовую культуру. Исследования в этом направлении также позволяют выявить, что нарушение указанных взаимосвязей имеет негативные последствия для развития и функционирования правового государства в нашей стране.

⁵ *Abstract:* Constitutional law and legal culture are fundamental and, at the same time, interdependent elements of the legal system of a state. The relevance of research on the development of constitutional law in the context of legal culture is dictated not only by the needs of developing the theory and doctrine of constitutional law but also by contemporary legislative practice and law enforcement, within which a utilitarian approach often prevails. According to this approach, when determining the priorities of legal regulation and the state's legal policy, the goals and tasks that do not sufficiently take into account the achievements and the general level of legal culture of Russian society are placed at the forefront. Meanwhile, legal culture largely shapes the communication for effective interaction between the state and the citizen, civil society institutions. It is the starting environment in which constitutional law ideas are born and

developed. At the same time, legal culture significantly determines how these ideas are implemented, as well as specific norms of constitutional law. Such close connections between constitutional law and legal culture direct the analysis of constitutional law in a broad sense as a phenomenon that includes not only the norms and institutions of constitutional law but also the objectified constitutional law culture. Research in this direction also allows us to identify that violation of the specified interrelations has negative consequences for the development and functioning of the legal state model in our country.

⁶ 1. Сфера и проявления общественной культуры многогранны, равно как и многогранны ее взаимосвязи с правовой сферой. Право, по мысли С.С. Алексеева, являясь подразделением культуры, обеспечивает воспроизводство социальной системы «на всеобщей, твердой, постоянной, непрерывно функционирующей основе»[\[1\]](#). В воспроизводстве общественных отношений на постоянной основе особая роль принадлежит конституционному праву, на что обращал внимание Д.А. Ковачев[\[2\]](#). Это связано с особыми свойствами конституции и конституционного права в целом как сущностей, выражающих наиболее значимые правовые ценности и определяющих содержание всех иных элементов правовой системы. При этом указанные ценности составляют основу правовой культуры общества и поддерживаются ею.

Однако несмотря на тесные онтологические взаимосвязи конституционного права и правовой культуры, их общее назначение обеспечивать устойчивое воспроизводство социальных отношений и социальных связей, а также их содержание и динамика развития существенно отличаются. Это связано с тем, что конституционное право, как высокоструктурированный и институализированный элемент общественного бытия, не только выражает конституционные, и соответственно культурные ценности, но и оказывает определяющее нормативное влияние на их реализацию. В рамках конституционного законодательства и практики его применения происходит их уточнение и дальнейшее развитие под влиянием текущей политики государства, а также целого ряда объективных факторов общественной жизни.

И хотя правовая культура в широком смысле в качестве своего компонента также включает право[\[3\]](#), тем не менее реагирует на изменение официальных подходов к правовому регулированию более инерционно, что определяется относительно самостоятельными закономерностями развития общественного сознания, в рамках которого развиваются и взаимодействуют правовые, культурные, нравственные ценности, представления людей и поведенческие установки. В этой части необходимо обратить внимание на наиболее значимые

элементы правовой культуры, оказывающие самостоятельное воздействие на развитие конституционного права и на реализацию конституционно-правовых норм. Прежде всего, в рамках правовой культуры присутствуют *официально поддерживаемые правовые ценности и законные, допустимые способы их реализации*. В таком значении представления о правовой культуре максимально соответствуют содержанию правовой идеологии, правовой политики государства. Соотношение правовой культуры и конституционного права на данном уровне определяется тем, что конституционное право определяет форму реализации указанных правовых ценностей на основе присущих ему методов правового регулирования[4].

Также правовая культура может рассматриваться как система взглядов, норм должного поведения, выработанных в рамках научного, образовательного, иного профессионального юридического сообщества. В этом качестве правовая культура способна оказывать *корректирующее либо амортизирующее воздействие* на процесс формирования и реализации официальных правовых ценностей и соответствующих правовых решений. Наиболее отчетливо это влияние проявляется в процессе конституционных реформ, когда правоведы, принадлежащие к определенным научным школам, оказывают влияние на ход конституционных и законодательных изменений[5]. Что касается профессионального юридического образования в стране, то необходимо отметить его ведущую роль в передаче профессиональной юридической культуры. Это связано с тем, что в нем объективно соединяются научный и образовательный компоненты, при этом через систему преподавания передается не только профессиональный юридический, но и социальный опыт, основанный на усвоенных ценностях правовой культуры. Подобно клятве Гиппократов для будущих врачей, в сознание обучающихся по курсу правоведения изначально закладываются ценности, составляющие основу правовой культуры (уважение к букве и духу закона, обязательность его исполнения, независимость суда, презумпция невиновности и т.д.). В то же время для практических работников, хотя и имеющих дело с нормотворчеством, применением закона, но не прошедших через эти азы юридической профессии, закон, право зачастую лишены того авторитета, той сакральности, которая присуща специалистам, получившим классическое юридическое образование. Это, безусловно, сказывается на характере правовых актов, правоприменительной практике, на которые ими оказывается влияние.

И наконец, наиболее важен момент *фактической правовой культуры населения*, характеризуемый *укорененностью правовых ценностей и наиболее*

важных законодательных, правовых решений в широком общественном сознании, повседневном поведении людей. Она характеризует отношение людей к этим ценностям и решениям в качестве актуальных, поддерживаемых и подлежащих реализации. Эта часть правовой культуры, хотя и «улавливает» импульсы текущей политики, воспринимает конституционные ценности и конституционные принципы, но будучи более консервативной, а в определенной части и архаической, усваивает их более длительно, поскольку для их практического освоения требуется повторяемость соответствующих конституционных правоотношений, что обеспечивает формирование стереотипов вовлеченности в них граждан. Если эта вовлеченность не возникает в условиях динамичного развития правовой системы, то правовая культура населения остается на уровне ранее сформировавшихся представлений и практических навыков, которые затем естественным образом начинают размываться в условиях изменяющейся правовой среды. Очевидно, что наиболее оптимальным соотношением конституционного права и фактической правовой культуры населения, иначе говоря, народной правовой культуры, является ситуация стабильности конституционных ценностей, принципов и норм, на основе которых в правовой сфере реализуются индивидуальные и общественные интересы.

Однако показанная выше схема оптимального взаимодействия конституционного права и народной правовой культуры является лишь исходной абстракцией. Следует учитывать наличие дифференцированного отношения к правовым ценностям в рамках отдельных социальных групп, что определяет различные представления о правовой культуре и соответственно различные типы правомерного поведения. Между тем выявление степени общности и различий этого отношения к правовым ценностям особенно важно в рамках конституционного права, поскольку по своей сути оно представляет собой закрепленный в правовых нормах фундаментального характера баланс интересов основных социальных групп. Именно в рамках конституционного права и создаются предпосылки для учета значимых социальных различий (территориального, имущественного, политического, национального и иного порядка). Таким образом, *конституционные право, рассматриваемое как развивающееся явление, испытывает влияние как единства правовой культуры, так и ее дифференциацию.*

Наличие противоречий в рамках правовой культуры и поиски возможностей для их преодоления является постоянным источником развития конституционного права. По мнению А.П. Семитко, «развитие правовой культуры в истории есть правовой прогресс. Критерием последнего является правовое положение

личности, переход от социо- к персонцентристскому правовому статусу, от одного уровня свободы к другому – качественно иному, гораздо более высокому»[\[6\]](#). Поддерживая в целом данный аксиологический подход, отметим, что он более соответствовал представлениям на момент конституционных реформ в Восточной Европе и в России в частности, в конце 80-х - начале 90-х гг. прошлого века. Наблюдаемые в настоящее время тенденции в развитии правовой культуры нельзя классифицировать как однозначно тяготеющие к персонцентристскому правовому статусу личности. Современное состояние правовой культуры можно определить, скорее, как продолжающуюся борьбу за конституционные ценности правового статуса личности в условиях новых исторических вызовов.

2. Для конституционного права наиболее важна та часть правовой культуры, которая соприкасается с политической культурой общества, поскольку именно в рамках последней объективируются представления людей о власти, ее взаимоотношениях с человеком, формируется желаемый облик политической и прежде всего государственной власти. Л.С. Мамут отмечал, что использование демократических институтов и соответствующих законов «в конечном счете зависит от социальных качеств народа, его общей и в особенности политической и правовой культуры. Каков уровень его цивилизационной зрелости, таково в действительности общее состояние государства»[\[7\]](#).

Исходной точкой современного конституционного развития России как правового государства следует считать период «перестройки» с середины 80-х годов прошлого века, когда на фоне девальвации ценностей советской системы организации власти, постепенно утрачивавшей свою дееспособность и шаг за шагом терявшей конкурентные преимущества, появилась необходимость глобального пересмотра принципов функционирования государства и политической системы общества в целом. И если первоначально движение в сторону обновления ограничивалось задачами «ускорения социально-экономического развития», «перестройки», «совершенствования социалистического самоуправления народа», то есть решением частных задач в рамках социалистической системы, основанной на единоличном руководстве со стороны коммунистической партии, то по мере нарастания сложностей как в политическом, правовом, так и социально-экономическом развитии страны, происходила постепенная радикализация лозунгов реформирования системы организации власти, что влияло на формирование нового типа правовой и политической культуры.

Реально развивавшаяся в тот период свобода слова, массовой информации вытолкнула общественное сознание за рамки советской идеологической доктрины и создала предпосылки для институциональных, в том числе и правовых перемен. В массовом сознании происходило постепенное размывание стереотипов политической культуры («нерушимый блок коммунистов и беспартийных», «КПСС - народная партия» и т.п.). Они постепенно вытеснялись идеями, которые первоначально развивались в рамках советских политико-правовых традиций и риторики. В этой связи характерна судьба известного лозунга «Вся власть Советам!». Известно, что он родился в период революций в начале XX века и служил захвату власти большевиками через подконтрольную им форму самоорганизации населения. В конце 80-х гг. XX века этот лозунг был реанимирован и был направлен на усиление самостоятельности Советов как представительных органов по отношению к исполнительным комитетам, которые фактически руководились партийными органами. Идея полновластия Советов использовалась как средство преодоления диктата компартии в рамках Советов. Разрушение монопольного положения КПСС, зафиксированное на конституционном уровне в 1990 г. стало наиболее мощным импульсом для демократического развития институтов конституционного права и одновременно внесло значимые коррективы в правовое и политическое сознание населения, создав почву для усвоения принципов многопартийности и идеологического многообразия.

Тенденция к усилению роли представительных органов власти, усвоению новых демократических форм их деятельности на различных уровнях организации власти (высшем, региональном и местном) активно развивалась до начала 90-х гг. Ростки демократической правовой культуры стали получать реальное воплощение в практическом освоении основ парламентаризма, разделения властей, федерализма, самостоятельности местного самоуправления. Однако действовавшая Конституция (Основной закон) Российской Федерации, несмотря на внесенные в нее многочисленные поправки, продолжала эклектически соединять черты советской правовой и политической системы и формирующегося демократического правового государства, что в условиях динамичного развития страны по пути реформ препятствовало созданию баланса значимых общественных интересов на основе конституционных ценностей. Данное противоречие не удалось преодолеть эволюционным путем. В результате так называемого конституционного кризиса 1993 г., жесткого противостояния партий «представительной» и «президентской, исполнительной власти» была принята Конституция РФ. Как процедура ее принятия, так и многие положения во многом

характеризовали разрыв преемственности конституционного развития, что впоследствии стало причиной наиболее серьезных проблем в соотношении конституционного права и правовой культуры.

В Конституции Российской Федерации были закреплены основополагающие ценности правового государства в максимально конкретной форме. В частности, конституционные принципы, провозгласившие высшую ценность человека, его прав и свобод, самостоятельность местного самоуправления, общепризнанные принципы и нормы международного права как составную часть правовой системы страны носили действительно революционный характер как для правовой системы, так и для правовой культуры общества. Однако эти и другие важные конституционные нормы прошли очень долгий путь прежде, чем стать полноценным элементом фактической правовой культуры общества. Требовалось их законодательное развитие и практическое освоение. При этом можно наблюдать уточнение, а в ряде случаев и замену первоначальных моделей правового регулирования в сферах прав и свобод личности, федеративных отношений, местного самоуправления, сформировавшихся в 90-е годы. Происходило движение от рамочного регулирования, установления общих гарантий и способов реализации прав граждан, их объединений и территориальных сообществ в сторону более детального правового регулирования, включающего значительное число ограничений для граждан и иных субъектов конституционного права[8]. Такого рода качественные изменения в правовом регулировании непосредственно влияли на правоприменение, поведение субъектов конституционного права. Что касается правовой культуры, в данном случае с учетом неизменности общих конституционных принципов, можно в целом констатировать сохранение в процессе указанного реформирования ее содержательных характеристик. В то же время детальная, ограничительная регламентация, нередко административно-правового характера, сужала сферу практического использования населением демократических навыков, основанных на правовой и политической культуре, возникшей в связи с реализацией конституционных принципов и ценностей.

Тезис об изначально либеральном содержании Конституции Российской Федерации неточен, поскольку не подтверждается системным анализом положений Конституции, определяющих систему организации государственной власти на федеральном уровне, рамках которой прослеживается очевидный приоритет президентской власти, существенно корректирующий действие принципа разделения властей и обеспечивающей единство государственной власти. Институт Президента Российской Федерации, фактически являясь ядром политической системы, на практике определяет наиболее значимые

взаимоотношения ее основных элементов^[9], что, безусловно, имеет проекцию на соответствующие аналоги правовой и политической культуры советского периода, сформировавшейся на основе конституционной формы руководства делами государства и общества со стороны КПСС. Таким образом, поддержка единства государственной власти в рамках одного института имеет определенные исторические корни. Соответствующие представления характеризуют и современную российскую правовую и политическую культуру.

Также одной из особенностей системы организации власти, сформировавшейся под влиянием конституционного кризиса 1993 г. стало сокращение полномочий органов представительной власти, в том числе контрольного характера. Эта одна из тех линий конституционно-правового развития, в рамках которой была нарушена преемственность правовой и политической культуры, в соответствии с которой в советский период именно Советы как представительные органы признавались политической основой РСФСР и все другие государственные органы были подконтрольны и подотчетны Советам (ст. 2 Конституции РСФСР 1978 г.). В период реформирования советской государственности (1989-1993 гг.) осуществление Советами их полномочий стало постепенно избавляться от партийного руководства, в связи с чем наблюдался рост их авторитета в системе власти. Приобретенные депутатами навыки парламентаризма получили более ограниченное применение в предусмотренной Конституцией РФ системе организации власти на федеральном уровне. В то же время представляет интерес практика активного обращения после принятия Конституции РФ на уровне субъектов РФ к ранее таким формам взаимодействия представительной и исполнительной власти как отчетность, контроль по кадровым вопросам и в связи осуществлением текущей деятельности, что получало закрепление в принимаемых уставах и конституциях субъектов РФ. В числе востребованных в субъектах Российской Федерации институтов конституционного права также оказались процедуры отзыва депутата, наказов избирателей, что послужило расширению форм народовластия за счет элементов статуса депутатского мандата, характерных для советского периода.

В соответствии с поправкой к Конституции РФ, принятой в 2020 г., Российская Федерация сохраняет преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство. Т.Я. Хабриева и А.А. Клишас, анализируя содержание данной статьи обращают внимание на то, что «преемственность духовных традиций неразрывно связана с преемственностью в развитии российской государственности и правовой системы», при этом «конституционное развитие СССР и Российской Федерации в

XX в. позволило реализовать многие идеи проектов прошлого, хотя и на новой социально-политической основе»[\[10\]](#). Действительно, национальная правовая культура включает в себя определенный исторический компонент, связанный с опытом правового регулирования и его общественного восприятия, а также накопленную доктринальную научную проработку соответствующих правовых решений и подходов к правовому регулированию. Конституционное право прошлого и его отдельные институты необходимо учитывать, однако их применимость следует соизмерять с конституционно-правовой природой Российской Федерации, определенной в основах ее конституционного строя (глава 1 Конституции РФ). Такой подход обеспечивает стабильное развитие правовой системы страны и служит развитию правовой культуры на основе гармоничного сочетания предыдущего социального опыта и актуальных конституционных ценностей.

3. В современных условиях глобальной цифровизации конституционное право и правовая культура общества сталкиваются с новыми угрозами, которые существенно отличаются от ранее известных дисфункций в рамках правовой системы, что требует выработки научной методологии их изучения и решения возникающих проблем.

Цифровизация, с одной стороны, - несомненное благо. Еще десять лет назад трудно было предположить, насколько быстро и удобно человек может получать необходимую информацию и пользоваться огромным числом услуг. Нельзя не признать, что Интернет и цифровые технологии во многом делают жизнь людей более комфортной, потребление более разнообразным, а труд более производительным и экономят наше время от множества рутинных занятий. Казалось бы, появление дополнительного свободного времени и новых возможностей делает человека более свободным. Однако это не произошло в силу того, что взамен полученных благ человек оказался втиснут в глобальную систему, на которую практически никак не может влиять, в то время как государство, зарубежные и отечественные информационные корпорации активно устанавливают и непрерывно меняют правила поведения в цифровом пространстве, в которое все более вовлечен человек. В формировании напряженного информационного поля, обволакивающего человека с постоянным доступом в Интернет, участвует огромное количество субъектов со своими интересами (работодатели, распространители рекламы, различного рода мошенники и т.д.). При этом для подавляющего большинства людей цифровая среда была и остается закрытым, малопонятным пространством, практически

лишенным субъектности, предполагающей возможности обратной связи, ответственности перед личностью.

При нарушении прав и интересов человека, выступающего как потребитель услуг, предоставляемых в цифровой форме, ему неизменно приходится сталкиваться с хорошо продуманной системой юридической защиты со стороны их поставщика. Для поиска оперативного решения проблем, составления жалобы надо пройти сложный путь, оптимизированный в интересах компании, структуры власти, но не гражданина. На пути обращений граждан встает искусственный интеллект в виде робота-секретаря либо чат-бот, общение с которыми, как правило, заканчивается переводом решения вопроса на оператора. Обычные, текущие проблемы могут быть оперативно решены. Но есть вопросы, в ответах на которые гражданин никогда не найдет удовлетворительного ответа, поскольку эти ответы основываются не на понятных нормах закона, а на многочисленных правилах и регламентах оказания услуг, составленных без достаточного учета значимых прав и интересов личности, но часто сковывающих ее «по рукам и ногам». Эти правила и регламенты - эффективное оружие в руках представителя компании, структуры власти, но для граждан – это сложные документы, на которые трудно опираться как в реализации, так и в защите своих прав. Таким образом, корпоративная правовая культура игнорирует правовую культуру граждан.

Данные проблемы охватывают и сферу оказания социальных услуг. Известно, что некоторые государственные услуги стали оказываться исключительно по обращению в цифровой форме, что затруднительно для людей, не имеющих соответствующих навыков. Очевидно, что цифровой вариант реализации социальных прав гораздо более экономичен и удобен для органов власти. Но для большого числа людей создаются существенные трудности в получении привычных услуг, если они предусматриваются исключительно в цифровой форме. К сожалению, при таком принудительном «заталкивании» граждан в цифровую сферу не создаются понятные, соответствующие уровню правовой культуры населения гарантии реализации их прав. Одноканальность оказания услуг со смещением центра тяжести на их цифровую форму стала одной из современных тенденций в развитии государственного управления, что не учитывает интересы граждан, не умеющих полноценно реализовывать свои права в цифровой среде либо сопротивляющихся включению в эту среду для защиты индивидуального информационного пространства.

Пользуясь разнообразными сервисами в цифровой среде, человек не только приобретает дополнительные возможности, но и становится объектом управления,

а во многих случаях и объектом жесткого манипулятивного воздействия, когда свобода выбора, учет индивидуальных особенностей личности подменяется движением по узкому коридору запрограммированных алгоритмов, значение которых во многих случаях им не вполне осознается. И после первоначальной общей эйфории от новых открывающихся возможностей Интернета все больше приходит понимание очевидных минусов цифровизации, создающей угрозы свободе личности, ее благополучию.

И эти угрозы приобретают сколь необратимый, столь и глобальный характер. Так, на фоне очевидных преимуществ онлайн-банкинга, ведения реестров недвижимости в электронной форме часто остаются без должного внимания угрозы мошенничества со вкладами, недвижимым имуществом, тотального контроля за всеми финансовыми операциями. Характер рисков и степень их опасности не осознаются большим числом людей, становящихся жертвами профессиональных и креативных преступников, и это серьезная социальная проблема. Но пока государство относительно защиты имущественных интересов граждан недостаточно активно. В сфере цифровых услуг и сервисов сложилась необъяснимая презумпция финансовой, экономической и правовой грамотности населения (причем в ряде случаев изощренной грамотности). Однако такого рода ожидания от населения - это уход от решения проблем, которые могут породить существенную социальную напряженность. В частности, сейчас на всех граждан возлагается бремя самостоятельного решения вопроса о защите недвижимого имущества от преступных посягательств, в том числе с помощью современных цифровых технологий. Наиболее информированные либо напуганные граждане тянутся в МФЦ, чтобы оформить запрет на отчуждение недвижимого имущества без их личного присутствия. Однако большинство не приходят и остаются потенциальными жертвами мошеннических операций. В таких условиях дистанцирование государства от осуществления эффективного контроля в данной сфере представляется по меньшей мере нелогичным. Нормальная логика, с нашей точки зрения, с учетом уровня правовой культуры населения, распространенности и опасности таких преступлений должна состоять в том, чтобы люди должны идти в МФЦ не за запретом на дистанционные сделки с имуществом, а за разрешением на такие сделки. Однако пока законодатель ставит во главу угла экономическую эффективность, а не защиту имущественных прав граждан.

Осмысливая названные проблемы, наверное, можно возразить, что сейчас у нас первоначальный период развития цифровизации. Прогресс неумолим, и чтобы жить лучше, получать услуг больше, можно в чем-то и потерпеть. Действительно,

тот, кто пользовался благами современной цифровой реальности, вряд ли от них откажется. Но это не означает, что связанные с этим обременения, в том числе наносящие ущерб правовому статусу личности, ее экономическому благополучию, психическому здоровью, могут расти в неконтролируемой прогрессии. Это опасная, деструктивная тенденция для общества в целом. И следует признать, что у государства пока нет четкой стратегии решения указанных социальных и гуманитарных проблем. Действующие законодательные акты, регулирующие указанные вопросы, как правило, точечным образом пробивают бреши в правовой защищенности человека, устанавливая весьма существенные исключения из общих правил (в части одноканальности цифровых услуг, упрощенного порядка административного производства по штрафам за правонарушения, фиксируемые в цифровой форме и т.д.), не создавая при этом эффективного механизма защиты прав личности. Большинство правил, связанных с использованием цифровых сервисов и технологий, принимается в форме различного рода подзаконных актов, регламентов, которые не проходят должной публичной профессиональной экспертизы на предмет ориентированности на учет интересов личности.

В развитии общественных отношений, связанных с развитием Интернета и цифровых технологий в нашей стране можно отчетливо наблюдать два основных периода, в рамках которых сформировались модели государственной политики в сфере цифровых технологий и коммуникаций: 1) первоначального свободного и мало контролируемого государством развития цифрового пространства и 2) постепенного нарастания государственного контроля в этой сфере, связанного с защитой национальных интересов. При этом в рамках и первой, и второй модели наблюдался явный дисбаланс, связанный с недостаточной защитой прав и интересов личности в цифровом пространстве.

В начале 90-х годов в период формирования рыночной экономики был принят Закон «О защите прав потребителей», внесший большой вклад в формирование правовой культуры населения, отвечающей современным условиям экономического развития. Экономические издержки на защиту прав потребителей окупали себя за счет формирования цивилизованных рыночных отношений с участием граждан, что само по себе способствовало экономическому развитию. Думается, сейчас настало время разработки и принятия подобных законодательных актов, способных создать четкий и прозрачный механизм защиты прав и интересов личности в информационно-цифровой среде. В любом случае законодателю и обществу в целом необходимо начать движение в сторону создания эффективных правовых гарантий правового статуса личности в цифровой среде. С учетом важности этого вопроса представляется важным

разработка федерального закона, в котором будут определены принципы предоставления услуг в цифровой среде, необходимые гарантии для реализации соответствующих прав граждан и универсальные механизмы их защиты. Разработка и принятие данного законодательного акта позволит восполнить пробел в системе конституционного законодательства в ситуации, когда права, значимые для реализации личностного потенциала, оказываются без эффективной законодательной защиты. Это также создаст предпосылки для формирования нового типа правовой культуры населения, опирающейся на должные правовые механизмы защиты интересов личности в цифровой среде и способной противостоять новым цивилизационным угрозам.

Подводя общие итоги, необходимо отметить важность анализа правовой культуры как фактора развития и реализации конституционного права, а также поиска новых форм правового регулирования в системе конституционного права, способных создать эффективные гарантии реализации правового статуса личности, сформировать предпосылки для дальнейшего развития правовой культуры.

[1] Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. 2-е издание. М., 2002. С. 49

[2] Ковачев Д.А. Проблемы конституционного права. М., 2003. С. 19

[3] А.П. Семитко в качестве важнейших элементов правовой культуры рассматривает правовое сознание и право. См.: Семитко А.П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс (проблемы теории и методологии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Екатеринбург, 1996. С.8. Г.М. Азнагулова называет такие компоненты правовой культуры как: правовая система общества; представления о праве; правопонимание; правовое чувство (чувство законности); мировоззрение; правовая идентичность. – Азнагулова Г.М. Правовая культура как функциональная система / Журнал российского права. 2024. № 3. С. 12.

[4] Об особенностях методов конституционно-правового регулирования см.: Постников А.Е. О конституционно-правовом методе регулирования // Журнал российского права. 2012. N 12. С. 37 – 38.

[5] Некоторые примеры такого влияния достаточно подробно описаны в научной литературе. См., например: Развитие школы конституционного права/ Летопись российской юридической науки: в 5 томах / отв. ред. Т.Я. Хабриева. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2023. Том IV. С. 68-69; Российская конституционная реформа 2020 года: дневник подготовки и проведения/ Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М.: ИД «Юриспруденция», 2023.;

[6] Семитко А.П. Указ. соч. С.9-10.

[7] Мамут Л.С. Современная российская государственность и культура демократии. // Государство и право. 2009. № 1. С. 10.

[8] Указанные закономерности четко прослеживаются при анализе развития законодательства об общих принципах организации государственной власти в субъектах Российской Федерации, организации местного самоуправления в Российской Федерации, об основных гарантиях избирательных прав граждан. См.: Реформа организации публичной власти: основные направления реализации. М., 2022. С. 23-29; Постников А.Е. Эволюция института выборов в России в контексте реализации конституционных принципов /Журнал российского права. 2019. С. 25-29; Правовой статус человека и гражданина в меняющемся мире. М., 2023. С.33.

[9] Постников А.Е. Конституционная модель политической системы России в условиях развития «цифрового общества» / Журнал российского права. 2020. № 5. С. 44.

[10] Хабриева Т.Я. Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М., 2021. С. 42-43.

Примечания:

1. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. 2-е издание. М., 2002. С. 49
 2. Ковачев Д.А. Проблемы конституционного права. М., 2003. С. 19
 3. А.П. Семитко в качестве важнейших элементов правовой культуры рассматривает правовое сознание и право. См.: Семитко А.П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс (проблемы теории и методологии). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Екатеринбург, 1996. С.8. Г.М. Азнагулова называет такие компоненты правовой культуры как: правовая система общества; представления о праве; правопонимание; правовое чувство (чувство законности); мировоззрение; правовая идентичность. – Азнагулова Г.М. Правовая культура как функциональная система / Журнал российского права. 2024. № 3. С. 12.
 4. Об особенностях методов конституционно-правового регулирования см.: Постников А.Е. >>>> // Журнал российского права. 2012. N 12. С. 37 – 38.
 5. Некоторые примеры такого влияния достаточно подробно описаны в научной литературе. См., например: Развитие школы конституционного права/ Летопись российской юридической науки: в 5 томах / отв. ред. Т.Я. Хабриева. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2023. Том IV. С. 68-69; Российская конституционная реформа 2020 года: дневник подготовки и проведения/ Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М.: ИД «Юриспруденция», 2023.;
 6. Семитко А.П. Указ. соч. С.9-10.
 7. Мамут Л.С. Современная российская государственность и культура демократии. // Государство и право. 2009. № 1. С. 10.
 8. Указанные закономерности четко прослеживаются при анализе развития законодательства об общих принципах организации государственной власти в субъектах Российской Федерации, организации местного самоуправления в Российской Федерации, об основных гарантиях избирательных прав граждан. См.: Реформа организации публичной власти: основные направления реализации. М., 2022. С. 23-29; Постников А.Е. Эволюция института выборов в России в контексте реализации конституционных принципов /Журнал российского права. 2019. С. 25-29; Правовой статус человека и гражданина в меняющемся мире. М., 2023. С.33.
 9. Постников А.Е. Конституционная модель политической системы России в условиях развития «цифрового общества» / Журнал российского права. 2020. № 5. С. 44.
 10. Хабриева Т.Я. Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации от 14 марта 2020 г. №1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М., 2021. С. 42-43.
-

Constitutional Law in the Context of Legal Culture

Alexander Postnikov

*Institute of legislation and comparative law
Russian Federation,*

Abstract

Abstract: Constitutional law and legal culture are fundamental and, at the same time, interdependent elements of the legal system of a state. The relevance of research on the development of constitutional law in the context of legal culture is dictated not only by the needs of developing the theory and doctrine of constitutional law but also by contemporary legislative practice and law enforcement, within which a utilitarian approach often prevails. According to this approach, when determining the priorities of legal regulation and the state's legal policy, the goals and tasks that do not sufficiently take into account the achievements and the general level of legal culture of Russian society are placed at the forefront. Meanwhile, legal culture largely shapes the communication for effective interaction between the state and the citizen, civil society institutions. It is the starting environment in which constitutional law ideas are born and developed. At the same time, legal culture significantly determines how these ideas are implemented, as well as specific norms of constitutional law. Such close connections between constitutional law and legal culture direct the analysis of constitutional law in a broad sense as a phenomenon that includes not only the norms and institutions of constitutional law but also the objectified constitutional law culture. Research in this direction also allows us to identify that violation of the specified interrelations has negative consequences for the development and functioning of the legal state model in our country.

Keywords: constitution, rule of law, constitutional law, constitutional values, legal culture, political culture, legal status of the individual, digital environment.

Publication date: 19.05.2024

Citation link:

Postnikov A. Constitutional Law in the Context of Legal Culture // Journal of Russian Law – . – [Electronic resource]. URL: <http://ras.jes.su/jrp/s160565900030707-1-1> (circulation date: 19.05.2024).